

История, археология, этнография

УДК 392(=511.132)(045)+821.511.132.09(045)

Д. В. Вишнякова, Л. Е. Сурнина

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОМИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX в.¹



В статье освещаются вопросы семьи и брака у коми в XIX в., народные традиции и представления в области семейно-брачных отношений, а также их отражение в творчестве коми поэта XIX в. Историко-литературное исследование произведений И. А. Куратова было направлено на анализ поэтического осмысления народного понимания семьи. В рамках культурно-исторического и этнопоэтического подходов в работе выявляется связь произведений поэта с народными представлениями о семейных отношениях. Изучение исторических источников, этнографических данных и произведений национальной литературы позволило не только дать многомерную характеристику брачности населения, но и рассмотреть укоренившиеся модели поведения в семье и браке, сложившиеся у коми, а также понять, каким образом они были выражены в литературе того времени.

Ключевые слова: Коми край, семья, брак, национальная литература, И. А. Куратов, крестьянский цикл, этнопоэтика, исторический контекст.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-384-395

Брачно-семейные отношения – важнейший элемент традиционной культуры любого народа. Семья выступает одним из наиболее значимых социальных институтов и играет существенную роль в формировании культурных, этнических и нравственных ценностей. Всестороннее исследование семьи как особого института дает представление о ее историко-культурной специфике. Традиционная семья и брак у коми были рассмотрены в работах Ф. В. Плесовского, В. А. Семенова, В. В. Соловьева и ряда других авторов [Плесовский 1968; Семенов 1992; Соловьев 1985]. Тем не менее данная тематика не утратила своей научной актуальности, и в настоящее время вопросы этой исследовательской области изучаются в рамках исторических, историко-демографических, этнографических, историко-филологических изысканий [Попова 2005; Русских 2020; Уваров 2021; Burawoy, Krotov, Lytkina 2018; Lutz 1999; Lytkina 2010; Popova, Varashkova 2014; Popova, Butrim 2011]. Литературные данные служат этнографическим источником и подтверждают исторические выводы работы. Целью данной статьи является характеристика семейно-брачных отношений у коми XIX в. на основе комплексного применения исторических, этнографических и литературных источников. В связи с этим поставлены следующие задачи: проследить по данным официального учета основные показатели брачности населения, выявить традиционные народные представления коми в области семейно-брачных отношений, их отражение в фольклорных и литературных произведениях XIX в. В работе применяются методы как исторического анализа, так и литературного, в том числе этнопоэтический подход. Литературное произведение, с одной стороны, самодостаточно и замкнуто в себе самом, а с другой – разными гранями соприкасается с внетекстовой действительностью – контекстом. Этнопоэтический подход, теоретико-методологические основы которого в филологии разрабатываются В. Н. Захаровым, О. В. Зыряновым [Захаров 2020; Зырянов 2019], позволяет выявить связь литературы с этнографическими традициями и народными представлениями.

Жизнь народа и, прежде всего, жизнь крестьянства занимала значительное место в творчестве И. Куратова – коми поэта XIX в. Немногочисленные воспоминания его современников позволяют заключить, что в годы пребывания на родине, в Коми крае, поэт близко наблюдал традиционный быт и обычаи коми, вел сбор устно-поэтических произведений, изучал живую народную речь. Закономерно, что его собственное поэтическое творчество приобретает особое тематическое единство, свя-

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, плановые темы НИР: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» и «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России».



занное с внутренней потребностью поэта исследовать «родовые», исконные свойства коми человека – народный дух, воплощенный, по его мнению, в крестьянстве. В целом, в рукописях И. А. Куратова усть-сысольского и более позднего среднеазиатского периодов его жизни сохранилось более двадцати произведений, связанных между собой тематически и составляющих крестьянский цикл: «Голь зон» («Парень-бедняк»), «Тима, дерт нин, пöрысь» («Тима, конечно же, стар»), «Пöрысь морт» («Старик»), «Пöч» («Старуха»), «Муса ныланöй, мича аканьöй» («Милая девушка, красивая куколка»), «Синтöм пöльö» («Слепой старик»), «Том ныв» («Девушка»), «Том зон» («Молодец»), «Коми бал», «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину»), «Тэ голь да сы пыдди тэ бур...» («Ты беден и за это ты хорош»), «Закар ордын» («У Захара»), «Кулöм том морт-лөн» («Смерть молодого человека»), «Гöстькөд» («С гостем»), «Пöрысь олöм» («Жизнь старика»), «Корысь» («Нищий») и др. Предпочтение коми поэт отдает изображению молодых и стариков. Запечатленные в таких произведениях человеческие типы и ситуации конкретны и в то же время аллегоричны, т. к. содержат актуальный для автора мотив продолжения жизни в детях и делах. В ряде его поэтических произведений прослеживается тема молодости и осмысливается народное понимание семьи.

В XIX в. особенности хозяйственного быта крестьян делали семью важной основой их существования, в семье сосредотачивались все основные интересы и потребности крестьян. Заключение брака и создание семьи понималось как необходимое условие существования и функционирования крестьянского двора. Нежелание вступать в брак и создавать семью не находило понимания в крестьянской среде и всячески осуждалось. В культуре коми святость брака, значимость создания семьи была закреплена фольклорной традицией, и признание крестьянами роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека, преемственности поколений, реализуемой в семье, отразилось в многочисленных пословицах и поговорках, касающихся семейного быта: *быд пöтка аслас гоз пöвсö корсьö* (каждая птица ищет себе пару), *аслад пöлыдкөд сьöд вөр шöрын абу гажтöм* (со своей парой и в темном лесу не скучно), *öти кийн гөрöд он гөрöдзав* (одной рукой узла не завязать), *гöтыртöм мужикыд кылалан чаг кодь* (неженатый мужчина, что щепка на реке), *кöзйякатöгыд и гортыд абу горт* (без хозяйки и дом не дом) [Плесовский 1973, 20].

Подавляющее большинство населения Европейской России не знало ни позднего замужества, ни значительной степени безбрачия. В то время как во второй половине XIX в. во многих европейских странах ни разу не были замужем 60–70 % всех женщин в возрасте 20–29 лет и свыше 15 % женщин в возрасте 45–49 лет; в Европейской России в 1897 г. соответствующие показатели составляли 23 и примерно 5 % [Вишневский 1977, 110]. В целом брачное поведение коми крестьян XIX в. характеризовалось соблюдением норм общеобязательного вступления в брак, довольно зрелым брачным возрастом обоих полов и частыми повторными браками овдовевших супругов, а также незначительной долей лиц, никогда не вступавших в брак. По статистическим данным, во второй половине XIX – начале XX в. на долю невест, вступающих в брак в возрасте до 20 лет, в Европейской России приходилось примерно 55–60 %, в то время как по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам – 30–40 %, и только по Печорскому уезду доля девушек, вступающих в брак в возрасте моложе 20 лет, была примерно той же, что и по Европейской России. У коми брачный возраст как у женщин, так и мужчин был существенно выше, чем в большинстве земледельческих районов Европейской России. Следует также отметить, что в XIX в. общий коэффициент брачности по Коми краю был меньше, чем в среднем по Европейской России [Вишнякова 2012, 140–141]. Определенное влияние на общую брачность у коми оказывала создающаяся по ряду причин диспропорция полов. В крае наблюдался значительный женский перевес в общей численности населения, наибольшая разница в дисбалансе полов проявлялась в возрасте 20 – 40 лет. Перевес численности женщин в основных брачных возрастах сказывался на брачной структуре: ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна как для женихов. [Вишнякова 2020, 35]. Снижению общего коэффициента брачности по Коми краю также способствовал ряд изменений в социально-экономической сфере. Введение всеобщей воинской повинности, развитие отхожих промыслов, интенсивность семейных разделов приводили к повышению брачного возраста, замедлению темпов вступления в брак каждого поколения.

Тем не менее брачное поведение формировалось под воздействием сложившихся культурных норм и ценностей и характеризовалось соблюдением норм общеобязательности вступления в брак. Исходя из народной традиции XIX – начала XX в., вступление во взрослую жизнь определялось способностью к созданию семьи и полноценному труду. У коми существовала своя традиционная систе-

ма критериев подбора супругов. Одним из наиболее важных условий являлось достижение брачного совершеннолетия. Считалось, что девичья зрелость достигалась в 15–16 лет, к 16–18 годам в основном заканчивалось физическое развитие, и наступал пик совершеннолетия. Вопрос о девичьей зрелости затрагивался и на страницах губернской печати. Так, в публицистическом очерке «Личность и отличительные качества зырян» содержатся следующие сведения: «Надо заметить, что каждая зырянская красавица, достигшая 15 или 16 лет, уже имеет у себя несколько человек поклонников, что составляет их местную гордость, и при случае они даже щеголяют этим друг перед другом» [Ежов 1857, 3]. Важным показателем наступления зрелости являлось вхождение в группу совершеннолетних и участие вместе с ними в молодежных посиделках. Этнографами отмечалось, что круг участников молодежных посиделок ограничивался, как правило, незамужними девушками и холостыми юношами в возрасте от 15–16 лет до 20–22 лет. Наступление совершеннолетия являлось также и нижней границей брачного возраста. [Плесовский 1968, 13; Несанелис 1994, 36]. В ряде коми народных песен есть упоминания о возрастных периодах:

Молодая жизнь, молодая радость.

Молодой поры прохождение.

Ожидание своей пятнадцатилетней поры.

Встреча своей двадцатилетней поры.

Тридцать лет – половина жизни [Микушев, Чисталев 1993, 10].

В данном случае 15-летняя пора – время наступления совершеннолетия, 20-летняя пора – время замужества.

Для юношей совершеннолетие определялось в 17–18 лет, эти же годы являлись для парня и началом брачного возраста. Народные представления о лучшем возрасте для женитьбы были достаточно противоречивы. С одной стороны, поддерживалось раннее вступление в брак, у коми по этому поводу бытовали такие пословицы: «кто долго выбирает, то в дураках остается», «перемужалого парня следует остерегаться». Выгодность ранней женитьбы в народном мнении определялась соображениями практического характера: получить новую работницу в семью до ухода сына на военную службу, избежать неугодного брака, внебрачных детей и др. С другой – существовало и такое мнение: «рано женишься – покаешься, со злой женой намаешься».

Отдельный вопрос представляет собой соотношение возрастов супругов. На протяжении изучаемого периода каких-либо значительных отличий в возрастной разнице супругов в отдельных районах Коми края выявлено не было, в связи с этим полученные данные были обобщены и представлены, как характерные для всего края в целом. В первой половине XIX в. соотношение возрастов между супругами выглядело следующим образом: около 60–65 % приходилось на долю тех семейных пар, где муж был старше жены, около 20 % – на долю пар, где жена была старше мужа, и 15–20 % приходилось на долю ровесников. Со второй половины XIX в. возрастные градации в брачных парах претерпевают изменения. Так, доля супружеских пар, где старшим по возрасту был мужчина, выросла до 70–75 %, доля пар, где старше была женщина, сократилась до 19–15 %, уменьшилась и доля супругов, являвшихся ровесниками, примерно до 10–5 %. Как показывают имеющиеся данные, наиболее были распространены брачные союзы, в которых муж являлся старшим по возрасту. По сведениям Б. Н. Миронова, идеальная, с точки зрения крестьян, разница между возрастом жениха и невесты составляла два-три года. Девушка считала для себя бесчестьем выйти замуж за «старика» – мужчину старше ее более чем на два-три года. Подобная психологическая установка определялась высокой смертностью мужчин и страхом женщины остаться вдовой с малолетними детьми [Миронов 2003, 164]. Наличие данных обстоятельств было характерным и для Коми края, в соответствии с этим, схожие стереотипные представления об «идеальной» возрастной разнице между женихом и невестой были распространены и среди коми крестьян.

Коль моложе меня, то будешь сестрицей,

Если старше, будешь матерью,

А ровесница, – мне будешь женой [Микушев, Чисталев 1995, 27] –

говорится в одной из коми народных песен, зафиксированной в начале XX в., однако материалы используемых источников свидетельствуют о более растяжимой возрастной разнице между супругами: большинство брачных союзов, когда жених был старше невесты, заключалось с разницей в возрасте от одного года до семи лет. В тех случаях, когда женщина была старше, разница в возрасте между супругами, как правило, составляла один-два года. Более значительная разница в возрасте между су-



пругами была в основном характерна для повторных браков вдовцов, стремившихся заключить новый брак с молодыми ранее незамужними девицами. Подобные возрастные различия могли достигать 15, 20 и даже 25–26 лет. Тем не менее данная практика не являлась общепринятой и распространенной, и совсем единичными были прецеденты, когда невеста превосходила по возрасту жениха на 15–20 лет. Таким образом, несмотря на то, что «идеальной», с точки зрения общественного сознания, была минимальная возрастная разница между супругами, жених и невеста, вступая в брак, руководствовались не столько сложившимися традиционными представлениями, сколько конкретными обстоятельствами и условиями крестьянской жизни.

Экономические возможности вступления в брак оказывали определенное влияние на уровень брачности. Большая семья, как правило, облегчала вступление в брак, так как для этого не требовалось достижения молодоженами экономической самостоятельности, в то время как создание малой семьи было сопряжено с определенными трудностями. Исследователями также была отмечена тесная связь брачности молодежи с получением наследства. Для некоторых финно-угорских народов, в том числе и для коми, в прошлом были характерны традиции минората. Младший сын обычно оставался жить со своими родителями, наследуя после их смерти дом со всеми хозяйственными постройками, в промысловых районах к нему же переходили и охотничьи угодья отца. Однако старшие братья также могли претендовать на некоторую часть имущества, которое и отчуждалось им при выделении из состава семьи [Соловьев 1987, 72]. Подобная форма так называемого «ограниченного минората», в отличие от майората, при котором наследство было неделимым, не препятствовала образованию новых брачных пар. Ранние браки и незначительная доля лиц, никогда не вступавших в брак, влияли на довольно высокий уровень брачности населения в первой половине изучаемого периода. Во второй половине XIX в. обнаруживались новые явления, которые не миновали и семейную сферу. Проникновение в деревню товарно-денежных отношений, расширение неземледельческих занятий, значительное развитие отхожих промыслов и многие другие явления, нарушали замкнутость сельской жизни, подрывали традиционную культурную систему, лишали смысла многие ценности, выдвигая на их место новые [Вишневецкий 1977, 114].

Как уже говорилось выше, народное понимание семьи осмысливается и в творчестве коми поэта XIX в. – Ивана Куратова. Героем в таких стихотворениях является молодежь – юноши и девушки коми народа: «*Муса ныланой, мича аканьой*» («Милая девушка, красивая куколка», 1862 г.), «*Том зон*» («Юноша», 1865 г.) и «*Том ныв*» («Девушка», 1865 г.). Данные тексты строятся в виде поэтического обращения, и их особый характер определяется наличием адресата [Сурнина 2021]. Так, в стихотворении «Милая девушка, красивая куколка» речь автора-повествователя направлена к «мича акань, муса ныв» – к красивой, милой девушке. Говорящий постоянно обращается к своей собеседнице (*тэ, тэныд, тэд* – ты, тебе; *тэ кодь* – как ты; *ачыд тёдмалан* – сама узнаешь; *кутан шебрасьны* – ты будешь укрываться; *пондан тупкысьны* – ты начнешь прикрываться; *тодмалан* – ты постигнешь, узнаешь; *пеляд ваикоптас* – в твое ухо прошепчет; *айыд пыдди* – вместо твоего отца; *пöрысь мамылды* – старой матери твоей; *ваяс пась вылад* – принесет для твоей шубы; *вурас вольпасьтö* – сошьет тебе постель; *сетны сьöлöмтö еджыд морöссьыд* – отдать свое сердце из груди своей белой). Повествователь словно уговаривает девушку ответить на любовь юноши-охотника, пленившегося красавицей и щедро одаривающего ее лесными дарами: *лыяс байдöгöс, кыяс колибöс, ошкöс аддзас кö, пасьсö кульыштас, сідзжö кöинтö, эн пов, нюжöдас, руч ку ваяс тэд шоныд пась вылад, вурас юсь пукысь небыд вольпасьтö, сьöдбöж куён тэ пондан тупкысьны* («изловит рябчика, поймает соловья, если медведя увидит, шкуру снимет, также волка, не бойся, растянет, принесет лисью шкуру для теплой шубы, сошьет из лебяжьего пуха мягкую постель, горностаевой шкурой будешь укрываться»). Обращение особенно чувствуется за счет лексико-грамматического единства слов «*нылан*» и «*акань*» с притяжательным суффиксом *-ой*: *Муса ныланой, мича аканьой* – букв.: милая девушка *моя*, красивая куколка *моя*. Такое же ласковое обращение автора-повествователя к героине мы видим в стихотворении «Девушка», в котором перед читателями предстает образ жизнерадостной, полной веселья и задора девушки:

*Шондібаной
Бур таланой,
Муса, мича ныв!*

Солнцеликое
Счастье мое,
Милая, красивая девушка!

Он призывает ее «плясать, шалить, смеяться и петь», чтобы развеселились и молодые, и старики:

*Зон моз йӧкты,
Вильшась, серав, сьыв,
Вомас нюмсӧ
Петкӧд том мортлысь,
Мед тэ бӧрысь
Гажмас пӧрысь,
Сьӧлӧм гажӧдысь!*

Как парень, пляши,
Шали, смейся и пой,
На губы сладострастную улыбку
Вызови у юноши!
Пусть, глядя на тебя,
Развеселятся старые,
Сердце радующая!

В следующем же стихотворении говорящий обращается к юноше, убеждает его не упустить возможность стать счастливым с любящей его девушкой, создать семью, напоминая при этом о быстротечности жизни и молодости («Юноша»):

*Регыд мортыд том!
Мунӧны лун-войыд...
Отнас морт джын морт!
Лӧсьӧд, зон, горт!
Лӧсьӧд кӧть мусатӧ!
Долыдмас лун сыкӧд!
Дженъыд сыкӧд вой!*

Недолго человек молод!
Время идет твое...
В одиночестве человек – полчеловека!
Создай, юноша, себе родной дом!
Найди хотя б того, кого полюбишь!
Радостным с ней станет день!
А ночь – коротка!

На адресность монолога говорящего указывает его постоянное обращение к юноше, а также употребление местоимения 2 лица единственного числа, глаголов и слов с притяжательными суффиксами соответствующей формы: *он тӧд тэ, он, мича авъя зон* – не знаешь ты, прекрасный, добрый юноша; *лӧсьӧд, зон, горт* – создай, юноша, себе родной дом; *нывкӧд, зон, шуда ло* – с девушкой, юноша, счастлив будь; *он тӧд сьӧлӧмтӧ, олӧмтӧ, бурлунтӧ, шудлунтӧ* – не знаешь еще ты сердца своего, жизни своей, сердечности своей, счастья своего; *лӧсьӧд кӧть мусатӧ* – найти хотя б свою любимую; *он казяв, он кыв* – не замечаешь ты, не слышишь ты; *кывлин, эм пӧ рай* – ты слышал, есть, говорят, рай; *сэтчӧ эн на кай* – туда не торопись еще; *нывкӧд, зон, шуда ло* – с девушкой, парень, счастлив будь.

В каждом из этих стихотворений повествователь обращается к одному конкретному человеку, который, на первый взгляд, и является единственным персонажем произведения. Вместе с тем параллельно создается образ еще одного героя, находящегося «вне сцены», но постепенно занимающего положение главного персонажа. К примеру, значительная часть текста «Милая девушка, красивая куколка» отдана характеристике юноши-охотника (это почти двадцать девять строк из тридцати четырех), благодаря чему он выглядит гораздо активнее «милой девушки», к которой обращается повествователь. Обращает на себя внимание преобладание глаголов, относящихся к действиям молодого человека.: *эз вош, вошӧдчис* (не заблудился, намеренно затерялся), *ылӧдчис* (удалился), *лыяс* (застрелит), *мыччас* (отдаст), *кыяс* (изловит), *аддзас кӧ* (если увидит), *кульыштас* (снимет шкуру), *нюжӧдас* (растянет), *ваяс* (принесет), *вурас* (сошьет), *висьталас* (скажет), *ваикӧптас* (шепнет), *мынтас* (уплатит), *найӧс радлӧдлас, гажӧдас* (их осчастливит, обрадует). Герой готов со сказочной легкостью снять шкуру с медведя, чтобы любимая могла, не опасаясь его, пасти свою корову, убить волка или лисицу для девичьей шубы с горностаевым воротником. Он и новую избу выстроит, и подати заплатит за бедных родителей девушки, и в меха их оденет, проявив почтение и заботу. Для юноши-охотника И. Куратова лес – это мир, в котором он чувствует себя легко и свободно. Он живет в круге своих интересов, но что бы он ни делал, все посвящено его возлюбленной. Девушка достойна самого лучшего и самого красивого, чем может одарить человека лес: *руч ку ваяс тэд шоныд пась вылад, вурас юсь пукысь небыд вольпасьтӧ, ош ку эшкынӧн кутан шебрасьны, сьӧдбӧж куӧн тэ пондан тупкысьны, ветлӧдлігас тай джуджыд ягьясын, кыз кер казялас керка кер вылад, чӧскыд пызансьыс юкас нян-совсӧ* (лисю шкуру принесет для теплой шубы, сошьет из лебяжьего пуха постель мягкую, из медвежьей шкуры одеялом будешь укрываться, горностаевой шкурой будешь укутываться, бродя по высоким борам, приметит крепкие сосны для бревен, с вкусного стола поделится хлебом-солью). Исследователями отмечается, что доминирование статуса зырянского мужчины над женщиной закреплялось в обычно-правовых нормах, поэтому в общественном сознании царила идея превосходства кормильца-мужчины. С детства из юноши готовили добытчика-промысловика, т. е. кормильца. И уже в шестнадцатилетнем возрасте, достигнув полной правоспособности в соответствии с нормами обычного права, молодые охотники могли самостоятельно отправляться на дальний



промысел. Обычно-правовой статус мужчины у коми (зырян) включал в себя как имущественные, так и личные права и обязанности, порождавшие соответствующие отношения, регулировавшиеся нормами обычного права. В имущественной сфере признавалось доминирующее положение мужчины как главы семьи, кормильца, т. е. человека, обеспечивавшего материальный достаток семьи [Плоцкая]. Таким образом, умение охотиться молодого человека в стихотворении И. Куратова – это не преувеличение. Он крепко стоит на своих ногах, значит, сумеет позаботиться о своей любимой и ее родных. Девушке-красавице остается только лишь принять все эти «подарки» и уплатить молодому человеку единственную плату – отдать свое сердце:

<i>Сӧмын колис со, муса ныланӧй,</i>	И остается только лишь, милая моя девушка,
<i>Тайӧс босътны тэд, мича аканьӧй!</i>	Все эти подарки принять тебе, красивая моя куколка!
<i>Таысь ӧти мед зонлы мынтыны,</i>	И за все за то заплатить одним –
<i>Сетны сьӧлӧмтӧ еджыд морӧссьыд!</i>	Сердце парню отдать из белой своей груди!

Образы парня и его возлюбленной взаимодополняют друг друга, и в пределах данного текста образуют единство. В подтексте стихотворения содержится вопрос: какой человек должен быть мужем девушки-красавицы? По мнению автора-повествователя, позиция которого адекватна коми поэту, именно такой, каким является герой произведения.

В стихотворении «Юноша» также на первый взгляд присутствует всего один герой. Однако в тексте представлен и образ молодой девушки, на которую автор-повествователь уговаривает юношу обратить внимание:

<i>Он казяв, он кыв...</i>	Не замечаешь, не слышишь...
<i>Нем тэ он кыв!</i>	Ты ничего не примечаешь!
<i>Долыдмас лун ськӧд!</i>	Радостным с ней станет день!
<i>Дженьдаммас вой!</i>	А ночь – коротка!

Именно с ней, по мнению говорящего, юноша должен обзавестись домом и семьей. Для него семья является средством достижения полноты жизни: *ӧтнад джын морт* (в одиночестве человек – полчеловека). Мысль о значимости семьи воплощается и на структурном уровне текста. В. А. Латышева [Латышева 2008, 47], исследовавшая композиционные и интонационные особенности стихотворения «Юноша», отмечает, что текст произведения строится из восьми шестистишных строф, каждая из которых начинается и заканчивается с высказывания либо поучительного характера:

<i>Регыд мортыд том!</i>	Недолго человек молод!
<i>Ичӧт олан ком!</i>	Живешь мгновение!
<i>Выныдлы мывкыдыд</i>	Разум на силы твои
<i>Пуктас мед дом!</i>	Пусть наденет узду!
<i>Мунӧны лун-войыд...</i>	Время идет твое...
<i>Регыд морт том!</i>	Недолго человек молод!

Либо утверждением чего-либо:

<i>Он казяв, он кыв...</i>	Не замечаешь, не слышишь...
<i>Рытывбыд рам ныв</i>	Целый вечер скромная девушка
<i>Яндысьӧ, ылавсьӧ:</i>	Смущается, обмолвливается:
<i>«Код тэысь выв!</i>	«Кто сильнее тебя!
<i>Долыд тэ, мелі тэ!...»</i>	И весел ты, и ласков ты!...»
<i>Нем тэ он кыв!</i>	Не примечаешь ты ничего!

Кольцевая структура каждой из строф дает возможность развития темы не только на протяжении всего текста, но и в его отдельных частях, волнообразно. В каждой строфе автор-повествователь поднимает определенную тему: быстротекущая молодость, неугомонная молодая сила, напрасное одиночество, недалёковидная трата времени, красота и нежность молодой девушки, радость с ней, человеческое равнодушие к счастью молодых людей. Само строение стихотворения с постоянным утверждением, повелением, побуждением подчеркивает, что там, где молодой человек не видит пока

ценностей, автор-повествователь, выражающий точку зрения самого поэта, видит человеческое счастье: человек в одиночестве – полчеловека; следовательно, надо обзавестись другой половиной, родным кровом и жить счастливо с любимой девушкой, т.е. обрести свою телесную и духовную полноту. Перечисляя в предыдущих строфах, в чем состоит счастье человека, говорящий приходит к выводу, что именно семья, любимый человек и являются счастьем, которого юноша должен добиться сам: «Недолго человек молод! Время идет твое... В одиночестве человек – полчеловека! Обзаведись, юноша, домом! Найди хотя б того, кого полюбишь! Юноша! Будь счастлив с девушкой!».

В следующем стихотворении – «Том ныв» («Девушка») – в изображаемом пространстве девушка находится одна, а единственным наблюдателем за ней является автор-повествователь, который призывает ее «улыбаться, петь и танцевать». Но в то же время из контекста всего стихотворения становится понятно, что к девушке присматриваются и молодые парни (*в голове думы, на губы сладострастную улыбку вызови у юноши*), наблюдают старики (*пусть старый, глядя на тебя, почувствует в сердце прежнюю радость*). Создается образ посиделок, на которых «обычно исполнялись лирические песни о различных перипетиях любовных взаимоотношений; о встречах, свиданиях, расставаниях возлюбленных; о совместном гулянье молодых; о молодости с ее многоликой жизнью» [Микушев, Рочев 1979, 135]. Необходимым этапом подготовки к браку были знакомства и встречи молодежи на гуляниях и праздниках, на которых девушки не только демонстрировали свое мастерство в прядении и шитье, а значит, и свою взрослость, но и получали возможность более тесного общения с потенциальными женихами. Образовавшиеся на гуляниях пары впоследствии действительно часто соединялись в браке. По сведениям этнографов, несмотря на регламентацию отношений с противоположным полом, в коми крестьянской среде девушки были достаточно свободны как в выборе ухажера, так и в выборе жениха. При сватовстве родители настаивали на более подходящем кандидате, тем не менее у невесты имелась возможность отстоять свой выбор [Ильина, Уляшев 2009, 143].

Текст стихотворения И. Куратова фактически весь строится на основе традиционных для народной поэзии приемов. Это и идеализация молодости с помощью изобразительных эпитетов (*мича* – красивая, *муса* – милая, *шондiban* – солнцеликая, *бур талан* – счастливая), и сравнительное сопоставление человека с явлениями природы (*Югыд шонди! Долод, шонды / Став енвет увсö!* – Светлое солнце! Грей и оживляй все, что есть под небом!), и характерные для песенного синтаксиса обращения-зачины и риторические восклицания (*Шондibanöй / Бур таланöй / Муса, мича ныв!* – Солнцеликая, счастье мое, милая, красивая девушка!). О сознательном подражании поэта песне плясовой говорят приемы, усиливающие ритмичность звучания произведения: короткий стих, лексические повторы, ассонансы и аллитерации в конце ритмической единицы: *öкты – йöкты* (собирай – пляши), *думсö – нюмсö* (мысли – улыбку), *тэ бöрысь – пöрысь* (за тобой – старик), *шонди – шонты* (солнце – грей). Так возникает образ танцующей девушки, которая, будто смеясь и играя, поет песни, которые «исполнялись на любых молодежных вечеринках (*рытпук, войпук*) или гуляньях (*ворсöм*) без каких-либо особых на то условий» [Там же, 140]. Личность самого говорящего в стихотворении открыто не выражается, но именно его активность слова, то, как он описывает девушку и как к ней обращается, придает динамику и задор героине. В этнографической литературе есть указания на то, что особым авторитетом на таких вечеринках пользовались заводилы – хороводники, плясуны-импровизаторы, умеющие завести, начать пляску, увлечь за собой всех присутствующих [Мельников 2010, 316]. Именно такой является героиня И. Куратова:

*Зон моз йöкты,
Вильшась, серав, сьыв,
Вомас нюмсö
Петкöд том мортлысь,
Мед тэ бöрысь
Гажмас пöрысь,
Сьöлöм гажöдысь!*

Как парень, пляши,
Шали, смейся и пой,
На губы сладострастную улыбку
Вызови у юноши!
Пусть, глядя на тебя,
Развеселятся старые,
Сердце радующая!

Особый акцент автора-повествователя на задор, смех и улыбку девушки обращает внимание читателя на символическое значение ее образа. «Цветы расцветают от улыбки девушки <...> и подобная улыбка иногда есть одно из условий вступления в брак, именно такая девушка избирается в невесты» – утверждает В. Я. Пропп в работе «Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о царевне Несмеяне)», анализируя мотив несмеющейся царевны [Пропп 1976]. По мнению исследователя,



супружество и смех становятся магическим средством умножения урожая [Пропп 1997, 244]. Таким образом, героиня стихотворения «Том ныв» («Девушка»), как и герои двух предыдущих произведений, может восприниматься как человек, вступающий в пору сватовства и свадьбы.

Брачность коми крестьян носила традиционный характер и определялась устоявшейся системой культурных норм и ценностей. Некоторые традиционные установки крестьян в вопросах семьи и брака были зафиксированы в народных песнях, пословицах и поговорках, в частности возрастные нормы совершеннолетия и брачного возраста, отрицательное отношение к безбрачию и бездетности, и другие. В стихотворениях И. Куратова, как представителя коми народа XIX в., также поэтически осмысливается народное понимание семьи. Именно семья, любимый человек и являются счастьем. Человек в одиночестве – полчеловека, следовательно, надо обзавестись другой половиной и родным кровом. Семья является средством достижения полноты личности. Коми поэт говорит со своим читателем о том, что необходимо в жизни человека для создания семьи, какими чертами характера должен обладать глава семейства, чтобы обеспечить своих родных и близких ему людей.

Исследование произведений коми поэта XIX в. приближает к пониманию народных представлений о семье и браке. В тоже время одновременное обращение к статистическим данным о брачности населения, фольклорному материалу и произведениям Ивана Куратова позволило дать не только основную характеристику брачно-семейных отношений населения Коми края, но и выявить мотивы и причины сложившейся модели брачного поведения у коми, уяснить восприятие людьми прошлого их собственного быта и процессов, в которых они участвовали.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневецкий А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 105–127.
- Вишнякова Д. В.* Половозрастная структура населения Коми края по материалам Переписи 1897г. // Известия Коми НЦ. Серия «История и филология». 2020, №5(45), С.33–41.
- Вишнякова Д. В.* Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. Сыктывкар, 2012. 164 с. (Коми научный центр УрО РАН)
- Ежов О.* Личность и отличительные качества зырян // Вятские губернские ведомости. 1857. № 22–23.
- Захаров В. Н.* Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19.
- Зырянов О. В.* Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8–15.
- Ильина И. В., Уляшев О. И.* Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар: Коми научный центр, 2009. 224 с.
- Латышева В. А.* Анализ одного стихотворения: «Том зон» (Юноша) И. А. Куратова // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс [В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы]. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. С. 46–50.
- Мельников С. Е.* Вечеринка и игрища в Усть-Сысольске // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ.ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. С. 314–318.
- Микушев А. К., Рочев Ю. Г.* Лирические песни // История коми литературы. В 3 т. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 134–155.
- Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми народные песни. В 3-х т. Т. I. Вычегда и Сысола. Сыктывкар: Малое государственное предприятие «Шыпас», 1993. 285 с.
- Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми народные песни. В 3-х т. Т. II. Ижма и Печора. Сыктывкар: Малое государственное предприятие «Шыпас», 1994. 192 с.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 578 с.
- Несанелис Д. А.* Раскачаем мы ходкую качель. (Традиционные формы досуга сельского населения Коми края во второй половине XIX – первой трети XX вв.). Сыктывкар: Республиканский Центр Народного Творчества Республики Коми, 1994. 167 с.
- Плесовский Ф. П.* Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 214 с.
- Плесовский Ф. П.* Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
- Плоцкая О. А.* Обычно-правовой статус главы семьи у коми (зырян) в XIX – начале XX в. // CENTER BEREG. Юридический портал. URL: <https://center-bereg.ru/d52.html> (дата обращения: 28.09.2022).



- Попова Л. А. Брачно-семейные отношения в Республике Коми // Народонаселение. № 1 (27). 2005. С. 59–68.
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 1997. 288 с.
- Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 175–207.
- Русских Т. Н. Коммуникативное поведение современных женщин-удмурток в рамках семейно-брачных отношений // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 1. С. 103–115.
- Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1992. 152 с.
- Соловьев В. В. Брачно-семейные отношения коми крестьян в кон. XIX – нач. XX в.: (По материалам метрич. кн.) // Тр. Ин-та яз., лит. и истории. Сыктывкар, 1985. Вып. 32. С. 140–158.
- Соловьев В. В. Семейно-имущественные отношения коми крестьянства в XVIII – начале XX века // Труды ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР. Вып. 39. Сыктывкар, 1987. С. 68–84.
- Сурнина Л. Е. Авторская позиция в крестьянском цикле стихотворений И. А. Куратова. Сыктывкар, 2021. 91 с. (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН).
- Уваров С. Н. Удмуртская семья в 1959–1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 1. С. 127–139.
- Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City // Russia in the New Century: Stability or Disorder? New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2018. P. 321–361.
- Lutz W. Will Europe be short of children? // Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission. 1999. P. 8–16.
- Lytkina Tatyana. Transforming the Gender: an Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. Summary // Laboratorium. 2010. Vol. 2. No. 3. P. 195–199.
- Popova L. A., Barashkova A. S. Development of marriage and family relationships in the northern regions of Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 4 (34) 2014. P. 130–147. In English.
- Popova L. A., Butrim N.A. Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy // Economical and social changes: facts, trends, forecast. 2 (14). 2011. P. 61–73. In English.

Поступила в редакцию 31.01.2023

Вишнякова Дарья Викторовна

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского севера
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН».
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: vishnyakova_dari@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8671-4877

Сурнина Лидия Егоровна

кандидат филологических наук
научный сотрудник сектора литературоведения
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: surninalida@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4189-7980



D. V. Vishnyakova, L. E. Surnina

HISTORICAL ASPECTS OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN KOMI AND THEIR REFLECTION IN THE NATIONAL LITERATURE OF THE XIX CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-384-395

The article highlights the issues of family and marriage among the Komi in the 19th century, folk traditions and ideas in the field of family and marriage relations, as well as their reflection in the work of the Komi poet of the 19th century I. A. Kuratov. The historical and literary study of the works of I. A. Kuratov was aimed at analyzing the poetic comprehension of the people's understanding of the family. Within the framework of the cultural-historical and ethno-poetic approaches, the work reveals the connection between the works of I. Kuratov and folk ideas about family relations. The study of historical sources, ethnographic data and works of national literature made it possible not only to give a multi-dimensional characteristic of the marriage rate of the population, but also to consider the rooted patterns of behavior in the family and marriage that developed among the Komi, and also to understand how they were expressed in the literature of that time.

Keywords: Komi region, family, marriage, national literature, I. A. Kuratov, peasant cycle, ethno-poetics, historical context.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 384-395. In Russian.

REFERENCES

Vishnevskii A. G. Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdanosti v Rossii [Early stages of the formation of a new type of fertility in Russia]. Brachnost', rozhdanost', smertnost' v Rossii i SSSR [Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR]. Moscow, 1977. P. 105–127. In Russian.

Vishnyakova D. V. Polovozrastnaya struktura naseleniya Komi kraia po materialam Perepisi 1897g. [Gender and age structure of the population of the Komi Territory based on the materials of the 1897 Census]. *Izvestiya Komi NC. Seriya «Istoriya i filologiya»* [News of the Komi Scientific Center. Series «History and Philology»]. 2020. №5(45). P. 33–41. In Russian.

Vishnyakova D. V. *Etnodemograficheskie processy v Komi krae v XIX – nachale XX v.* [Ethno-demographic processes in the Komi region in the XIX - early XX century]. Syktyvkar, 2012. 164 p. Komi nauchnyy centr UrO RAN [Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. In Russian.

Ezhov O. Lichnost' i otlichitel'nye kachestva zyryan [Personality and distinctive qualities of the Zyryans]. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka provincial statements]. 1857. № 22–23. In Russian.

Zaharov V. N. Ideya etnopoetiki v sovremennykh issledovaniyakh [The idea of ethno-poetics in modern research]. Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]. 2020. Volume 18. № 3. P.7–19. In Russian.

Zyryanov O. V. Problemno-metodologicheskoe pole sovremennoi etnopoetiki [Problem-methodological field of modern ethno-poetics]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2019. № 1 (55). P. 8–15. In Russian.

Il'ina I. V., Ulyashev O. I. Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kulture komi [Man and woman in traditional Komi culture]. Syktyvkar: Komi nauchnyi centr Publ., 2009. 224 p. In Russian.

Latysheva V. A. Analiz odnogo stikhotvoreniya: «Tom zon» (Yunosha) I. A. Kuratova [Analysis of one poem: «Young Man» by I. A. Kuratov]. *V etoi pesne komi zhizn'. Sbornik trudov ob osnovopolozhnikakh komi literatury* [There is life in this song. Collection of works about the founders of Komi literature]. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola» Publ., 2008. P. 46–50. In Russian.

Mel'nikov S. E. Veчерinka i igrishcha v Ust'-Sysol'ske [Soiree and games in Ust-Sysolsk]. *Zyryane i zyryanskii kraj v literaturnykh dokumentakh XIX veka / Sost., vstup.st. V. A. Limerovoi* [Zyryans and the Zyryansky region in the literary documents of the 19th century / Comp., introductory article. V. A. Limerova]. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola» Publ., 2010. P. 314–318. In Russian.

Mikushev A. K., Rochev Yu. G. Liricheskie pesni [Lyric songs]. *Istoriya komi literatury. V 3 t. T. I* [History of Komi Literature. In 3 v. Volume 1]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1979. P. 134–155. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I. Komi narodnye pesni. V 3-h t. T. I. Vycheгда i Sysola [Komi folk songs. In 3 v. Volume I. Vycheгда and Sysola]. Syktyvkar: Maloe gosudarstvennoe predpriyatие «Shypas» Publ., 1993. 285 p. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I. Komi narodnye pesni. V 3-h t. T. II. Izhma i Pechora [Komi folk songs. In 3 v. Volume II. Izhma and Pechora]. Syktyvkar: Maloe gosudarstvennoe predpriyatие «Shypas» Publ., 1994. 192 p. In Russian.

Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). V 2 t. T. 1. [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII - early XX century). In 2 v. Volume 1]. Saint Petersburg: «Dmitrii Bulanin» Publ., 2003. 578 p. In Russian.

Nesanelis D. A. Raskachaem my khodkuyu kachel' (Traditsionnye formy dosuga sel'skogo naseleniya Komi kraia vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vv.) [We will swing the swing (Traditional forms of leisure of the rural population of the Komi Territory in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries)]. Syktyvkar: Respublikanskii Tsentr Narodnogo Tvorchestva Respubliki Komi Publ., 1994. 167 p. In Russian.

Plesovskii F. P. Komi poslovitsy i pogovorki [Komi proverbs and sayings]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1973. 214 p. In Russian.

Plesovskii F. P. Svad'ba naroda komi [Wedding of the Komi people]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1968. 320 p. In Russian.

Plotskaya O. A. Obychno-pravovoi status glavy sem'i u komi (zyryan) v XIX – nachale XX v. [The customary legal status of the head of the family among the Komi (Zyryans) in the 19th – early 20th centuries]. *CENTER BEREG. Yuridicheskii portal* [CENTER BEREG. Legal Portal]. URL: <https://center-bereg.ru/d52.html> (accessed 28.09.2022). In Russian.

Popova L. A. Brachno-semeinye otnosheniya v Respublike Komi [Marital and Family Relations in Republic of Komi]. *Narodonaselenie* [Population]. No. 1 (27). 2005. P. 59–68. In Russian.

Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha [Problems of comedy and laughter]. Saint Petersburg: Izd-vo «Aleteya» Publ., 1997. 288 p. In Russian.

Propp V. Ya. Ritual'nyi smekh v fol'klоре (Po povodu skazki o Nesmeyane) [Ritual laughter in folklore (Regarding the tale of Nesmeyana)] *Propp V. Ya. Fol'klор i deistvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Propp V. Ya. Folklore and reality. Featured Articles]. Moscow: Nauka Publ., 1976. P. 175–207. In Russian.

Russkikh T. N. Kommunikativnoe povedenie sovremennykh zhenshchin-udmurtok v ramkakh semeino-brachnykh otnoshenii [Communicative behavior of modern Udmurt women in the framework of family and marriage relations]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij. 2020. T. 14. Vyp. 1.* [Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020. Volume 14. Issue 1]. P. 103–115. In Russian.

Semenov V. A. Traditsionnaya semeinaya obr'adnost' narodov Evropeiskogo Severa: k rekonstruktsii mifopoeticheskikh predstavlenii komi (zyr'an) [Traditional family rituals of the peoples of the European North: to the reconstruction of the mythopoetic representations of the Komi (Zyryans)]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii un-t Publ., 1992. 152 p. In Russian.

Solov'ev V. V. Brachno-semeinye otnosheniya komi krestyan v kon. XIX - nach. XX v.: (Po materialam metrich. kn.) [Marriage and family relations of the Komi peasants in the late 19th - early 20th centuries: (Based on the materials of the metric book)]. *Tr. In-ta yaz., lit. i istorii. Vyp. 32* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History. Issue 32]. Syktyvkar, 1985. P. 140–158. In Russian.

Solov'ev V. V. Semeino-imushchestvennye otnosheniya komi krestyanstva v XVIII – nachale XX veka [Family and property relations of the Komi peasantry in the 18th - early 20th centuries]. *Trudy IJaLI KNC UrO AN SSSR. Vyp. 39* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 39]. Syktyvkar, 1987. P. 68–84. In Russian.

Surnina L. E. Avtorskaya pozitsiya v krestyanskom tsikle stikhotvorenii I. A. Kuratova [The author's position in the peasant cycle of poems by I. A. Kuratov]. Syktyvkar, 2021. 91 p. IYaLI FIC Komi NC UrO RAN [ILLH FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS]. In Russian.

Uvarov S. N. Udmurtskaya sem'ya v 1959–1989 gg.: demograficheskiy aspekt [Udmurt family in 1959–1989: demographic aspect]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij. 2021. T. 15. Vyp. 1.* [Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021. Volume 15. Issue 1]. P. 127–139. In Russian.

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City – *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2018. P. 321–361. In English.

Lutz W. Will Europe be short of children? *Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission.* 1999. P. 8–16. In English.

Lytkina Tatyana. Transforming the Gender: an Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. Summary – *Laboratorium.* 2010. Vol. 2. No. 3. P. 195–199. In English.

Popova L. A., Barashkova A. S. Development of marriage and family relationships in the northern regions of Russia – *Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 4 (34) 2014. P. 130–147. In English.



Popova L. A., Butrim N.A. Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy – *Economical and social changes: facts, trends, forecast.* 2 (14). 2011. P. 61–73. In English.

Received 31.01.2023

Vishnyakova Daria Viktorovna

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher, Department of Historical-Demographic and
Historical-Geographical Studies of the Russian North
Institute of Language, Literature and History of the
Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: vishnyakova_dari@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8671-4877

Surnina Lidia Egorovna

Candidate of Philology
Researcher, Department of Literary Criticism
Institute of Language, Literature and History of the
Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: surninalida@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4189-7980